
С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 34.096;316.454.52;316.346.32-053.6

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВЕРТИКАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ СОЦИАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЦЕННОСТЕЙ И УСТАНОВОК МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

И. В. ПИНЧУК¹⁾, А. П. ДЕРБИН²⁾

¹⁾Международный университет «МИТСО», ул. Казинца, 21, корп. 3, 220099, г. Минск, Беларусь

²⁾Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Представлен анализ эффективности использования государством вертикальных (иерархических) связей в части социальной регуляции и соотношения их с сегодняшним мировоззрением и ценностными установками молодежи. В преломлении теории поколений описывается специфика информационного потребления миллениалами и представителями поколения Z. На основе анализа различных исследований делается вывод о том, что сегодня формируются новые возможности для индивидов в ситуации поиска информации и выбора стратегии поведения, возрастает роль горизонтальных связей. Выдвигается гипотеза о необходимости расширения диспозиционных начал в социальной регуляции, а также реализации более гибкого подхода к правовому регулированию цифрового информационного пространства.

Ключевые слова: молодежь; поколение Z; миллениалы; дигитализация; цифровизация; информационное пространство; вертикальные (иерархические) связи; социальная регуляция.

Образец цитирования:

Пинчук ИВ, Дербин АП. Эффективность вертикальных механизмов социальной регуляции в контексте ценностей и установок молодого поколения. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019; 4:98–104.

For citation:

Pinchuk IV, Derbin AP. Efficiency of vertical mechanisms of social regulation in the context of values and settings of young generation. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;4:98–104. Russian.

Авторы:

Игорь Викторович Пинчук – кандидат социологических наук; начальник центра социологических исследований научно-исследовательской части.

Алексей Павлович Дербин – кандидат юридических наук, доцент; проректор по учебной работе и интернационализации образования.

Authors:

Ihor V. Pinchuk, PhD (sociology); head of the center of sociological research.

igor_pinchuk87@mail.ru

Alexey P. Derbin, PhD (law), docent; vice-rector of academic affairs and internationalization of education.

al_derbin@tut.by

<https://orcid.org/0000-0003-0544-0729>

EFFICIENCY OF VERTICAL MECHANISMS OF SOCIAL REGULATION IN THE CONTEXT OF VALUES AND SETTINGS OF YOUNG GENERATION

I. V. PINCHUK^a, A. P. DERBIN^b

^aInternational University «MITSO», 21 Kazinka Street, building 3, Minsk 220099, Belarus

^bMinsk State Linguistic University, 21 Zacharava Street, Minsk 220034, Belarus

Corresponding author: I. V. Pinchuk (igor_pinchuk87@mail.ru)

The article is devoted to the analysis of the effectiveness of the use of vertical (hierarchical) connections by the state in terms of social regulation and their correlation with the current worldview and values of young people. In the refraction of the theory of generations, the specifics of information consumption by millennials and representatives of generation Z are described. Based on the analysis of various studies, it is concluded that today new opportunities are forming for individuals in a situation of searching for information and choosing a behavior strategy, the role of horizontal connections is growing. A hypothesis is put forward about the need to expand dispositional principles in social regulation, as well as the implementation of a more flexible approach to the legal regulation of digital information space.

Keywords: youth; the generation of Z; millennials; digitalization; information space; vertical (hierarchical) connections; social regulation.

Введение

Дигитализация современного общества, глубокое проникновение новых технологий в структуру социальных и экономических отношений существенным образом повлияли на систему коммуникации, приоритеты и предпочтения людей, изменили повседневные практики большей части населения.

Этот процесс по-разному отразился на представителях различных возрастных групп. Если старшему поколению приходится учиться и адаптироваться к современным техническим устройствам и способам информационного потребления, то для другой значительной категории граждан это является обыденностью. Они уже с раннего возраста имели возможность доступа к интернету и социализировались в новой информационной среде.

В соответствии с теорией поколений последних принято называть миллениалами. При этом многие родившиеся на рубеже тысячелетий сегодня сами являются родителями и воспитывают детей, которых относят уже к так называемому поколению Z (центениалы, или цифровое поколение). Следовательно, в Республике Беларусь формируется и проходит различные этапы своего личностного и профессионального становления во многом уникальное поколение молодых белорусов.

Исследовательский интерес представляют различные характеристики рассматриваемой категории лиц, поскольку реализация интеллектуального, творческого потенциала самой молодой части населения будет непосредственно влиять на развитие страны в ближайшей перспективе. Информационное пространство объективно открывает новые возможности для индивидов в ситуации выбора стратегии поведения и в конечном счете оказывает влияние на механизм принятия решений. Так, расширение диапазона источников информации позволяет полагаться не столько на общепринятые образы и примеры, сколько на уникальный опыт других граждан, транслируемый через электронные социальные платформы. Соответственно, формируются альтернативные способы выхода из проблемной ситуации, нивелирования резонирующих факторов. Данный аспект обуславливает необходимость междисциплинарной оценки применяемых вариантов правового регулирования как в части информационного пространства, так и в подходах к социальной регуляции в целом. В комплексе это актуализирует вопрос эффективности использования государством вертикальных (иерархических) связей для обеспечения правопорядка и соотношения их с сегодняшним мировоззрением и ценностными установками молодого поколения.

Теоретические основы

Распространение информационно-коммуникативных технологий безусловно оптимизирует многие социально-бытовые процессы. Вместе с тем ежедневное использование различных технологических решений так или иначе формирует новые

навыки и знания. Поскольку наиболее транзитивной частью населения является молодежь, эффект от дигитализации в этой категории может носить более выраженный характер. При оценке оказываемого влияния на данную демографическую когорту

ее целесообразно рассматривать как с позиции возрастного параметра, так и с учетом других критериев, характерных для представителей определяемой совокупности. С социологической точки зрения более подходящим является понятие «поколение», которое содержит в себе множество характеристик, обозначаемых «духом поколения», или энтелехией. К. Мангейм отмечал, что поколение можно определить как «вторичную группу, членство в которой часто не осознается, выход из которой свободен, но при этом есть общие интересы» [1, с. 8].

В современном научном дискурсе существуют различные варианты определения поколений. Наиболее часто исследователи в социальных и гуманитарных областях опираются в данном вопросе на работы американских ученых Нейла Хоува и Вильяма Штрауса. Согласно их теории, поколения людей объединяют не только возрастные характеристики, но и ценностные ориентиры и настроения. В свою очередь, на это оказывают влияние различные факторы, как экономические, так и общественно-политические.

По мнению Н. Хоува и В. Штрауса, история развивается циклами, длительность которых примерно равна продолжительности человеческой жизни (80–90 лет). При этом один цикл состоит из четырех периодов, для каждого из которых характерны какие-то определенные принятые в обществе ценности и устои. В ходе своей работы исследователи подробно описывали типичного, собирательного представителя каждого поколения американской нации со времен Великой депрессии и до наших дней. Результатом этой работы стало выделение нескольких типов поколений, а именно: «строители», или «победители», «молчаливое поколение», «беби-бумеры», поколение X, молодое поколение Y, или миллениумы, и формирующееся поколение Z [2, с. 94]. Безусловно, данная концепция имеет ограничения и недостатки, во многом в силу своей обобщенности (на смену одного поколения отводится 20 лет). Сказывается и сложность учета исторических событий, происходящих в отдельных странах при определении характеристик архетипов. Вместе с тем нельзя не согласиться, что ценности поколений в различных странах являются схожими и это дает возможность для сопоставления. Поскольку эмпирической базой в данной статье являются результаты различных исследований (как отечественных, так и зарубежных), их рассмотрение логично реализовать в соответствии с наиболее

известной классификацией возрастных когорт: интерес представляют молодые граждане, относящиеся к поколению Y – миллениалы, или «цифровые аборигены» (рожденные в период с 1983 по 2003 г.), а также относящиеся к поколению Z – центениалы, цифровое поколение (родившиеся между 1995 и 2000 гг.). В качестве сравнительной базы будет рассмотрено более старшее поколение X – «неизвестное поколение», или «цифровые иммигранты» (1963–1983 годы рождения).

Если обратиться к данным статистики, то анализируемая совокупность по большей части соотносится с численностью молодежи, определяемой традиционными статистическими критериями. В Республике Беларусь по состоянию на 1 января 2019 г. на долю молодежи (14–30 лет) приходилось 1858,5 тыс. человек, т. е. к этой категории относится почти каждый пятый житель республики¹. Подтверждением тому, что молодое поколение не зря называют еще и цифровым, являются следующие данные: в 2018 г. доля пользователей услугами сети Интернет среди лиц в возрасте 14–30 лет составила 98,7 %, при этом 94,9 % пользователей рассматриваемой возрастной категории входят в сеть Интернет ежедневно². Закономерно, что вопрос оценки влияния технологического прогресса на молодежь и выявления отличий от представителей более старших возрастных групп является достаточно актуальным для научного сообщества.

В частности, ряд российских исследователей (Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Р. В. Пырма, А. В. Синяков, А. А. Азаров) указывают на то, что стремительное развитие технологий приводит к различиям в условиях социализации разных когорт. Социологи отмечают образование разрыва между молодым поколением «цифровых аборигенов» (*Digital Natives*), выросшим в среде цифровых технологий, и старшим поколением «цифровых иммигрантов» (*Digital Immigrants*), родившихся до начала цифровой эпохи. Однако с течением времени границы между обозначенными поколениями начинают размываться, различие между «цифровыми аборигенами» и «цифровыми иммигрантами» теряет актуальность, но расширяются возможности взаимодействия между молодым и старшим поколениями [3, с. 235].

Похожее заключение делает и доктор экономических наук, профессор руководитель Лаборатории экономико-социологических исследований В. В. Радаев. На основании данных исследования

¹К молодежи относится почти каждый пятый житель Беларуси [Электронный ресурс] // БелТА – Новости Беларуси. URL: <https://www.belta.by/society/view/k-molodezhi-otnositsja-pochti-kazhdyj-pjatyj-zhitel-belarusi-352983-2019/> (дата обращения: 28.06.2019).

²У молодежи в почете также сфера услуг, ремонт авто- и мототехники, финдеятельность и, естественно, спорт и отдых [Электронный ресурс] // Новостное агентство Sputnik. URL: <https://sputnik.by/society/20190627/1041791210/Samaya-molodaya-sfera-v-Belarusi---IT.html> (дата обращения: 28.06.2019).

Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) было сделано заключение, что миллениалы действительно наиболее активны среди всех взрослых поколений в использовании гаджетов и интернета. Но решающий количественный скачок, который можно с большей уверенностью считать переломным, произошел не в этом, а, скорее, в предшествующем (реформенном) поколении – их отличие от соседнего поколения застоя более значительно. Представителям реформенного поколения гаджеты достались уже во взрослый период, поэтому их называют «цифровыми иммигрантами», в отличие от «цифровых аборигенов» – миллениалов. Но представители реформенного поколения были еще достаточно молоды и деятельны, чтобы успеть «мигрировать» в цифровое пространство в достаточном количестве [4, с. 21].

Таким образом, российские ученые резюмируют, что в использовании цифровых коммуникаций приобретает особое значение «цифровая мудрость» (*digital wisdom*), понимаемая как набор навыков эффективной деятельности в цифровой среде, позволяющих осваивать большие объемы информации, отбирать необходимые и достоверные данные. Объектом изучения становится, вне зависимости от поколения, «цифровой человек» (*human digital*), для которого цифровые коммуникации и технологии стали частью жизнедеятельности [3, с. 235].

Результаты и обсуждение

Примечательно, что информационные ресурсы, функционирующие на современных электронных платформах, четко улавливают потребности миллениалов. В частности, подтверждением этому служит недавнее информационное сообщение о том, что в Беларуси запустили приложение-агрегатор, которое собирает актуальный контент из всевозможных источников: не только СМИ, но и соцсетей, новостных сайтов, блогов и т. п. Оно также известно как «первое персонализированное новостное приложение для миллениалов, доступное по всей Европе»³. Другими словами, пользователь получает персонализированный контент в соответствии со своими запросами и предпочтениями. Это еще раз подтверждает тот факт, что современная молодежь и их молодые родители формируют новую тактику не только потребления товаров, но и принятия решений.

При этом, как уже отмечалось, они основываются на самостоятельном поиске сведений и выборе наиболее подходящего им варианта. В США, например, именно для поколения X характерно наиболее

К схожим выводам приходят и зарубежные эксперты. Так, исполнительный директор по исследованиям и стратегии нью-йоркской исследовательской фирмы *Open Mind Strateg* Эллисон О'Киф Райт, опираясь на результаты собственных исследований, отмечает, что способ, с помощью которого родители-миллениалы изменили семейную и родительскую динамику, заключается в их подходе к поиску информации. В то время как предыдущие поколения родителей часто обращались к своим матерям и отцам за советом по многочисленным трудностям, касающимся воспитания детей, эти молодые родители – хотя и очень близкие с матерью и отцом – признают, что они воспитывают детей в совершенно ином мире, чем воспитывали их. Следовательно, эти опытные краудсорсеры отправляются в онлайн, чтобы найти ответы на многие жизненные вопросы, и часто формируют свой собственный опыт [5].

Эллисон О'Киф Райт уточняет данный тезис тем фактом, что *Google* часто является «воротами» для доступа к бесчисленным мнениям и рекомендациям, касающимся воспитания детей. Но даже больше, чем источники, которые они находят в результатах поиска в *Google*, миллениалов привлекает более индивидуализированная информация, которую они могут найти у единомышленников в их социальном окружении. Так, 43 % родителей-миллениалов регулярно обращаются за советом к сверстникам в своих социальных сетях [5].

критическое отношение к так называемой американской мечте среди взрослых поколений. Поколение X, как родители, сосредоточило внимание на формировании у своих детей таких качеств, как самостоятельность, адаптивность, стремление к успеху. У поколения Z установились дружеские отношения со своими родителями. Поэтому поколение Z намного ближе к своим родителям по сравнению с прошлыми поколениями. В результате подростки поколения Z имеют больше личного пространства, чем их предшественники; они находят ответы на интересующие их проблемы в интернете и более сосредоточены на самих себе. Несмотря на уважительное отношение к своим родителям, они менее от них зависимы. В результате это поколение с подросткового возраста гораздо более самостоятельно и менее управляемо, отличается более высоким уровнем самоуважения. Поколение Z не приемлет авторитарного стиля взаимоотношений со стороны государственных, образовательных и коммерческих структур и их представителей. Это поколение сформировалось с убеждением, что взрослые

³В Беларуси запустилось новостное приложение «для миллениалов». Как им пользоваться [Электронный ресурс] // 42.tut.by. URL: <https://42.tut.by/652060> (дата обращения: 04.09.2019).

ничем не лучше их. Они признают авторитет преподавателя, руководителя лишь в том случае, когда сами оценят его профессиональные и личностные качества [6, с. 3351].

Но насколько эти тенденции характерны для молодежи нашего, восточноевропейского, региона? Белорусский ученый Л. Г. Титаренко, опираясь на результаты ряда исследований, отмечает следующее: «У постсоветского поколения молодых белорусов прослеживается тенденция роста индивидуалистских ценностей, что соответствует и мировым тенденциям изменения молодежных ценностей в современную эпоху глобализации. Индивидуализм может стать потенциальной возможностью более активного включения молодежи в инновационное развитие экономики при условии, если это соответствует личным потребностям молодых людей. Однако эта возможность не является гарантией того, что молодежный трудовой потенциал не будет направлен в другую сторону (например, в развитие потребительства): многое зависит от наличия у молодых людей адекватных ресурсов для реализации своего модернизационного потенциала и от воспитательно-управленческого воздействия на молодежь» [7, с. 77–78]. Особенности мировосприятия белорусской молодежи предметно рассматривали и А. Н. Данилов, Ж. М. Грищенко, Т. В. Щелкова: «С учетом методологической принципиальности включения социального контекста в исследование жизненного мира человека, тем более его ценностей, мы не можем абстрагироваться от него настолько, чтобы сфокусироваться исключительно на эффекте компьютеризации и уходе в виртуальный мир. Хотя и это – наш вполне очевидный социальный контекст глобализирующегося миропорядка. Взрослеющее молодое поколение соотечественников, в свою очередь, не могло не испытать на себе отчуждения от взрослого мира, идеалы которого еще совсем недавно казались полным анахронизмом, а затем трансформировались в сомнения, скепсис и откровенный цинизм, подпитываемый ностальгическими настроениями родителей о старых добрых временах и переоценкой ценностей» [8, с. 111]. Так или иначе, отечественные исследователи говорят о том, что социальный потенциал молодежи представляет собой возможность и способность представителей молодого поколения реализовывать специфические социальные функции (воспроизводственная, инновационная и трансляционная). Наследуя и реализуя сложившиеся социальные отношения, каждое новое поколение обеспечивает функционирование общества и участвует в его совершенствовании и трансформации на основе собственного потенциала. Тем самым осуществляется развитие и молодежи, и общества в целом [9, с. 31].

Отмеченные особенности миллениалов, а также современного общества в целом, испытывающего

мощное влияние информационной среды, сказываются на характере взаимодействия человека с системами социальной регуляции, одной из которых выступает право. Говоря обобщенно, в сегодняшних условиях возрастает важность соответствия механизмов государственного регулирования современным запросам молодых людей в части формирования своей гражданской позиции.

Как отмечают исследователи, человек все больше перемещается из актуальной реальности в виртуальную, которая постепенно приобретает правовые черты независимо от юридизации этой реальности со стороны государства [10, с. 164]. Традиционно право закрепляло преимущественно вертикальные (иерархические) связи, выстраивая тем самым определенный правопорядок [11, с. 95–96]. Это тесно связано с природой права как властного регулятора общественных отношений, обеспечиваемого принуждением [12; 13]. Вместе с тем благодаря цифровизации, развитию и укоренению в жизни людей социальных сетей формируется так называемое сетевое общество. Оно принципиально строится преимущественно на горизонтальных, а не на вертикальных социальных связях; приемлет не субординацию, а координацию. Киберпространство в целом рассматривается исследователями как сфера, где возможно максимальное самоосуществление и самореализация свободы и горизонтальных связей. Эта саморегулирующаяся система самостоятельно вырабатывает правила регулирования и стандарты поведения в интернете [11, с. 96]. Подобными примерами являются уже упоминавшийся механизм ориентации новых поколений на опыт своих сверстников в ситуации поиска и фильтрации информации.

С учетом этого, как справедливо отмечает В. И. Павлов, рассмотрение права как основного и самого действенного средства социального контроля и социальной инженерии постепенно уходит в прошлое. Более того, расценивать цифровизацию и создаваемые ею возможности в качестве предпосылки для усиления контроля над личностью со стороны государства и укрепления вертикальных связей также будет некорректно. Поддерживать согласие в обществе преимущественно посредством государственных технологий контроля и дисциплины в будущем вряд ли удастся, резюмирует он [10, с. 164–165]. Информационное общество и поведенческие установки миллениалов (как одной из наиболее активных в социально-возрастном плане групп населения) актуализируют корректировку подходов к социальной регуляции. В частности, С. А. Хмелевская и Д. Н. Ермаков справедливо полагают, что современный социум требует гибкого правового регулирования. В противном случае это может привести к значительному отставанию в области производства и распространения новых знаний [11, с. 96].

Это связано с тем, что свобода в условиях дигитализации приводит к формированию нового знания, интеллектуального продукта и, соответственно, к экономическому успеху либо позитивному социальному резонансу (не воспроизведение прежних моделей, а создание новых). Об этом косвенно свидетельствуют истории успеха известных стартапов и большой интерес к этой форме поиска эффективной бизнес-модели. Приоритетные для виртуального пространства принципы творчества, свободы, отсутствия рамок, меняют свое значение и в других, «традиционных», сферах общественных отношений. При этом основными носителями новых установок среди поколенческих групп выступают именно миллениалы.

В свою очередь, как отмечает С. А. Хмелевская, попытка правового регулирования информационного пространства с помощью формирования традиционных вертикальных связей сталкивается с самокоммуникацией в сети, становится предметом внимания интернет-пользователей и отражается на общественном мнении [11, с. 97]. Представляется, что сегодня любые чрезмерно жесткие, императивные или неразумные, по мнению социально активной части населения, действия попадают в фокус внимания интернет-сообщества. При этом, согласно результатам республиканского социологического исследования, в 2017 г. интернет-пользователями являлись 68,1 % совершеннолетнего населения [14, с. 8]. Таким образом, соответствующие информационные поводы могут влиять на настроения основной части социально активного населения.

Неприятие современным обществом принуждения, насилия в широком смысле слова как инстру-

мента регулирования социальных процессов отражается также и в отношении населения к своему возможному участию в протестных акциях. В первом квартале 2018 г. только 9 % опрошенных указали, что допускают свое участие в акциях протеста, включая исключительные обстоятельства [14, с. 87]. Опросы среди молодежи в 2018 г. продемонстрировали, что выразить недовольство обстановкой в стране посредством участия в акциях протеста готовы только 3,5 % респондентов [14, с. 167].

Представляется, что в целом проявления прямой агрессии, насилия и принуждения становятся все менее востребованными в социальной коммуникации. Вероятно, они отчасти переключались из реальной сферы в виртуальную, что привело к усилению правил модерации, идентификации интернет-пользователей. Например, основатель наиболее крупной социальной сети *Facebook* Марк Цукерберг 3 мая 2017 г. объявил о расширении команды специалистов по «общественным операциям». Новые сотрудники, которых добавят к существующей армии из 4500 модераторов, будут отвечать за обзор каждого поста, о котором было получено сообщение, что он нарушает стандарты сообщества. К концу 2018 г., в ответ на критику засилья жестокого и эксплуататорского контента в соцсети, *Facebook* отправил более 30 000 сотрудников на борьбу за безопасность – и примерно половина из них занимается модерацией⁴. Это также подтверждает необходимость более гибкого подхода к регуляции и в виртуальном пространстве. Стоит отметить, что в отдельных случаях развивается и здоровая самоорганизация в сетевых сообществах, которая постепенно вытесняет негативные проявления из интернета.

Заключение

На наш взгляд, в современном обществе в качестве прямой реакции на негативно воспринимаемые действия и решения различных акторов (включая структуры публичной власти) более распространены уход (крайнее проявление – иммиграция), игнорирование, поиск альтернативных путей, создание сетевых сообществ для самостоятельного решения возникающих проблем.

Таким образом, дух времени и установки современного поколения (миллениалы, центениалы) существенно отличаются от прежних. Информационное общество больше хочет само выбирать из предлагаемых опций, молодое поколение менее терпимо к давлению и принуждению. Полагаем, что в тех вопросах, которые напрямую не затрагивают безопасность личности либо явный конфликт интересов в социальной регуляции, прежде всего правовой регламентации, следует по

возможности расширять диспозитивные начала, пространство свободы в выборе и разрабатывать более гибкие механизмы информационного контроля.

Разумное подталкивание к наиболее желательным для публичной власти моделям поведения, рекомендательные нормы, возможность самостоятельного решения тех или иных вопросов на основе усмотрения не только будут позитивно восприняты социумом, но поспособствуют росту самосознания, позитивной ответственности, послужат хорошей основой для дальнейшего развития партнерских начал между гражданином и государством. Тем более что это соответствует формату информационного потребления и интересам молодого поколения, социализирующегося в условиях культивирования индивидуалистских ценностей.

⁴Травмпункт: тайная жизнь модераторов Facebook в США [Электронный ресурс] // Habr. URL: <https://habr.com/ru/post/442182/> (дата обращения 21.08.2019).

Библиографические ссылки

1. Максимова ОА, Беляев ВА, Нагматуллина ЛК, Ахметгалиева АР, Ахметшина АА, Газизова ЛШ и др. *Динамика реальных и условных поколений в информационном, полиэтноконфессиональном обществе*. Максимова ОА, редактор. Казань: Бук; 2019. 158 с.
2. Ожиганова ЕМ. Теория поколений Н. Хоуа и В. Штрауса. Возможности практического применения. *Бизнес-образование в экономике знаний*. 2015;1:94–97.
3. Бродовская ЕВ, Домбровская АЮ, Пырма РВ, Синяков АВ, Азаров АА. Влияние цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры российской молодежи: результаты комплексного прикладного исследования. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019;1:228–251. DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.11.
4. Радаев ВВ. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ. *Социологические исследования*. 2018;3:15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029.
5. O’Keefe Wright A. Millennials are not parenting like their parents did. *Quirk’s Marketing Research Review* [Internet]. 2019 [cited 2019 August 16]. Available from: <https://www.quirks.com/articles/millennials-are-not-parenting-like-their-parents-did>.
6. Малетин СС. Особенности потребительского поведения поколения Z. *Российское предпринимательство*. 2017;18(21):3347–3360. DOI: 10.18334/rp.18.21.38560.
7. Титаренко ЛГ. *Парадигмы и повороты в современной социологии*. Минск: БГУ; 2018. 239 с.
8. Данилов АН, Грищенко ЖМ, Щелкова ТВ. Поколение Z: раскол традиций или перекодировка культуры. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;1:109–118.
9. Черняк ЮГ, Миронцов ИВ. Образовательный потенциал студенческой молодежи: социологический аспект. *Философия и социальные науки* [Интернет]. 2015 [процитировано 8 августа 2019 г.];4:30–32. Доступно по: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/134688>.
10. Павлов ВИ. Человек – право – государство – техника: трансформация ценностных оснований правового регулирования в современном мире. В: Павлов ВИ, Савенок АЛ, редакторы. *Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования*. Минск: Академия МВД Республики Беларусь; 2019. 356 с.
11. Хмелевская СА, Ермаков ДН. Специфика правового регулирования в цифровую эпоху: социально-философские размышления. *Государство и право*. 2019;4:92–103. DOI: 10.31857/S013207690004658-5.
12. Фуко М. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. Табачникова С, переводчик. Москва: Касталь; 1996. 448 с.
13. Фуко М. *Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы*. Наумов В, переводчик, Борисова И, редактор. Москва: Ad Marginem; 1999. 480 с.
14. Дербин АП, редактор. *Республика Беларусь в зеркале социологии*. Минск: Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь; 2018. 180 с.

References

1. Maksimova OA, Belyaev VA, Nagmatullina LK, Akhmetgalieva AR, Akhmetshina AA, Gazizova LSh, et al. *Dinamika real’nykh i uslovnykh pokolenii v informatsionnom, polietnokonfessional’nom obshchestve* [Dynamics of real and conditional generations in an informational, multi-ethnic society]. Maksimova OA, editor. Kazan: Buk; 2019. 158 p. Russian.
2. Ozhiganova EM. Strauss–Howe generation theory. Opportunities of practical applications. *Biznes-obrazovanie v ekonomike znaniy*. 2015;1:94–97. Russian.
3. Brodovskaya EV, Dombrovskaya AYU, Pyrma RV, Sinyakov AV, Azarov AA. The impact of digital communication on Russian youth professional culture: results of a comprehensive applied study. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019;1:228–251. Russian. DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.11.
4. Radaev VV. Millennials compared to previous generations: an empirical analysis. *Sociological research*. 2018;3:15–33. Russian. DOI: 10.7868/S0132162518030029.
5. O’Keefe Wright A. Millennials are not parenting like their parents did. *Quirk’s Marketing Research Review* [Internet]. 2019 [cited 2019 August 16]. Available from: <https://www.quirks.com/articles/millennials-are-not-parenting-like-their-parents-did>.
6. Maletin SS. Features of consumer behavior of generation Z. *Russian Journal of Entrepreneurship*. 2017;21:3347–3360. Russian. DOI: 10.18334/rp.18.21.38560.
7. Titarenko LG. *Paradigmy i povoroty v sovremennoi sotsiologii* [Paradigms and turns in modern sociology]. Minsk: Belarusian State University; 2018. 239 p. Russian.
8. Danilov AN, Grishchenko ZM, Scholkova TV. Generation of Z: split of traditions or code conversion of culture. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;1:109–118. Russian.
9. Chernyak YG, Mirontsov IV. The educational potential of students: sociological aspect. *Philosophy and social sciences* [Internet]. 2015 [cited 2019 August 8];4:30–32. Russian. Available from: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/134688>.
10. Pavlov VI. [Man – law – state – technology: the transformation of the value foundations of legal regulation in the modern world]. In: Pavlov VI, Savenok AL, editors. *Chelovek i pravo: problema tsennostnykh osnovanii pravovogo regulirovaniya* [Man and law: the problem of the value foundations of legal regulation]. Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs; 2019. 356 p. Russian.
11. Khmelevskaya SA, Ermakov DN. Specifics of legal regulation in the digital age: social and philosophical reflections. *Gosudarstvo i pravo*. 2019;4:92–103. Russian. DOI: 10.31857/S013207690004658-5.
12. Foucault M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual’nosti* [The will to truth: on the other side of knowledge, power and sexuality]. Tabachnikova S, translator and editor. Moscow: Castal’; 1996. 448 p.
13. Foucault M. *Nadzirat’ i nakazyvat’: Rozhdenie tyur’m* [Oversee and punish. Birth of a prison]. Naumov V, translator; Borisova I, editor. Moscow: Ad Marginem; 1999. 480 p.
14. Derbin AP, editor. *Respublika Belarus’ v zerkale sotsiologii* [The Republic of Belarus in the Mirror of Sociology]. Minsk: Information and Analytical Center under the Administration of the President of the Republic of Belarus; 2018. 180 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 24.09.2019.
Received by editorial board 24.09.2019.